

Кто виноват и что делать?

*В.А. Черепанов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

Сбор подписей избирателей применяется с первых свободных выборов в нашей стране и стал привычной стадией избирательного процесса.

Однако зададимся простым вопросом: а зачем всё это нужно:

- формирование армии сборщиков подписей;
- значительные финансовые средства, расходуемые кандидатами;
- усложненная процедура проверки подписных листов в избирательных комиссиях, *с использованием экспертов почерковедов*;
- судебные процессы при отказах в регистрации кандидатов?

Зачем и для чего всё это нужно? На первый взгляд, ответ очевиден. Для того, чтобы с самого начала отсеять лиц, которые *заведомо* не пользуются хотя бы *минимальной* поддержкой избирателей.

Однако, *во-первых*, собранные подписи далеко не всегда свидетельствуют о поддержке избирателей. Люди нередко ставят подписи не потому, что они поддерживают кандидата, а потому что живут по соседству, работают вместе с ним или им просто неудобно отказать. Ну что тебе, жалко, что ли подпись поставить? И люди, даже считая, что этот человек абсолютно не пригоден для выборной должности, думая про себя: «Ну, какой из него депутат?», зачастую ставят свои подписи в подписных листах.

Мы все прекрасно понимаем, что для кандидата, обладающего необходимыми финансовыми средствами, собрать необходимое число подписей не составит большого труда. Даже, если его никто не знает.

Любопытно также, почему в избирательные бюллетени должны включаться лица, которые *уже до начала избирательной кампании* пользуются поддержкой избирателей? Можно привести немало примеров, когда кандидаты, неизвестные широкому кругу общественности *ДО* выборов, в ходе избирательной кампании настолько «раскручиваются», что одерживают победу.

И сейчас мы с Вами с полной уверенностью можем полагать, что где-нибудь в Подмосковье живет неизвестный нам и многим другим москвичам человек, скажем по фамилии Петров, который прекрасно ориентируется в московских проблемах и обладает всеми необходимыми знаниями и умениями для того, чтобы стать успешным депутатом Московской городской Думы.

Таким образом, законодательно закрепленное целевое назначение сбора подписей как показателя поддержки выдвижения кандидата в реальности таким показателем нередко не является. Возникают также серьезные сомнения в том, что выявление подобной поддержки избирателей вообще необходимо для регистрации кандидатов.

Во-вторых, зачастую сбор подписей используется не для подтверждения поддержки избирателей, а совсем для других целей, например, для устранения конкурентов. Не исключено, что недостоверные и недействительные подписи, включая «мертвые души», обнаруженные в подписных листах, поя-

вились именно потому, что в армию сборщиков подписей *кем-то* (конкурентами или плохой властью???) были засланы лица для внесения таких не соответствующих действительности подписей, а затем на проверку именно этих подписей были направлены усилия избирательной комиссии. Трудно сказать, было ли так на самом деле. Однако, очевидно, что все кандидаты, а не только обладающие «административным ресурсом», имеют достаточно возможностей для того, чтобы добиться появления заведомо недостоверных и недействительных подписей в подписных листах своих конкурентов.

В-третьих, правовая норма, предусматривающая отказ в регистрации при выявлении десяти и более процентов недостоверных или недействительных подписей, вызывает серьезные сомнения с точки зрения соответствия данной нормы правовым принципам справедливости и соразмерности.

Отказ в регистрации кандидата – это мера конституционно-правовой ответственности, которая может наступать только в случае совершения субъектом права определенного правонарушения. Предположим, что избиратель в силу невнимательности или плохого зрения неправильно указал в подписном листе серию и номер своего паспорта. Или сборщик по своей недобросовестности или *злomu умыслу* допустил ошибки при заполнении подписного листа. Но разве кандидат совершил при этом какое-либо правонарушение, осуществил деяние, причиняющее вред обществу? Очевидно, что нет. Тогда почему за действия других лиц наступает ответственность кандидата? Почему из-за простой ошибки, которую зачастую даже нельзя поставить людям в вину, «без вины виноватому» человеку запрещают воспользоваться его конституционным правом быть избранным в органы государственной власти или местного самоуправления? На мой взгляд, указанная норма федерального закона противоречит основополагающим правовым принципам справедливости и соразмерности, поскольку не может быть наказания без правонарушения, а наказание должно быть соразмерно нарушению в том случае, когда оно действительно совершено.

Таким образом, избирательный ценз сбора подписей приводит к тому, что значительная часть граждан, по независящим от них причинам *не могут реализовать свое конституционное право быть избранными в органы публичной власти*.

Очевидно, что только в результате непосредственного волеизъявления всех избирателей в процессе голосования, а не путем технического отсева кандидатов с помощью сбора подписей мизерной части всех избирателей, подбираемой искусственно сборщиками подписей, должны определяться народные представители. Тогда неизбежно возникает вопрос: если депутат является выборным представителем народа, определяемым гражданами России *непосредственно*, то зачем эту волю народа проверять дважды – сначала через сбор подписей, а затем путем самого голосования?

Отсюда следует, что нужно максимально уменьшить количество искусственных преград для возможных кандидатов, сделать так, чтобы на рассмотрение избирателей был вынесен максимально возможный список кандидатов, из числа которых народ *сам* сделает свой выбор.

Разумеется, такой вывод не должен быть доведен до логического абсурда. Представим себе гипотетическую ситуацию, при которой любой человек, обладающий пассивным избирательным правом, имеет возможность выдвигаться кандидатом на выборах. Без сомнения, в таком случае в числе выдвинувшихся кандидатов значительно увеличится число тех, которые выдвигаются не *для того, чтобы избраться*, а абсолютно *для иных целей*: сделать себе рекламу, подготовить электорат для последующих выборов, помочь другим кандидатам в борьбе конкурентами, покритиковать действующую власть, покрасоваться на экранах телевизоров за счет бесплатно предоставленного времени в эфире и т.п.

Иначе говоря, речь идет о злоупотреблении своим правом быть избранным и желании получить от его реализации какие-то иные блага и преимущества в своей жизни. Очевидно, что на пути к такому злоупотреблению пассивным избирательным правом должен быть поставлен заградительный барьер. Сбор подписей в силу отмеченных недостатков в качестве такого барьера выступает далеко не всегда и нередко является не выражением воли избирателей, а способом устранения конкурентов.

Тогда остается иной, распространенный в избирательной практике других стран заградительный барьер – избирательный залог, который использовался в нашей стране, но в 2009 году был упразднен. В то время это объяснялось необходимостью освобождения выборов от финансовой зависимости, а избирательный залог преподносился как доступный лишь «денежным мешкам». Однако реальное целеполагание при отмене избирательного залога, как представляется, заключалось абсолютно в ином, а именно – в упразднении самой возможности возникновения ситуации, когда неугодных кандидатов нельзя было устранить легальными средствами.

А что касается «денежных мешков» и возможности регистрации посредством избирательного залога только людям, имеющим значительные финансовые средства, то это из области искусственно тиражируемых мифов. Напомню, что размер избирательного залога составлял 15 %, а в регионах уменьшался до 10 % от предельного размера избирательного фонда. Очевидно, что человек, реально желающий быть избранным и понимающий затратность избирательной кампании, мог потратить одну десятую своего избирательного фонда на внесение избирательного залога, который подлежал возврату, если кандидат по итогам голосования набирал не менее 5 процентов голосов избирателей. Ну а в том случае, если кандидат не мог себе это позволить, у него оставался альтернативный способ – сбор подписей избирателей.

Итак, на первый извечный вопрос о том, *кто виноват*, ответ вроде бы проясняется. Конфликтная ситуация, возникшая на московских выборах, *разумеется, по нашему мнению*, обусловлена как несовершенством самого института сбора подписей, так *вполне возможно* (как принято говорить в последнее время – highly likely) – злым умыслом конкурентов и (или) предвзятым отношением избирательных комиссий. Совершенно не исключаю и того, что имел место произвол с экспертизой подписей в отношении конкретных кандидатов, о чём так много говорится в либеральной печати.

НО..., и вот после этого **НО** возникает ещё один, весьма любопытный взгляд на вопрос о том, **кто виноват**. Если кандидаты поручают сбор подписей посторонним людям (сборщикам подписей) и считают такую кропотливую работу «не царским делом», а у тех, кто является **юристом** (понятно, о ком идет речь), даже не возникло мысли о том, что в условиях жесткой политической борьбы (а как они хотели – чтобы их под белые ручки, нежно и ласково завели в Столичную Думу) нотариально удостоверить подписные листы, то о чём, вообще, может идти речь?

Приведу лишь один пример из собственной политической борьбы. В 1994 году я шел на выборы в Государственную Думу Ставропольского края самого первого созыва как независимый кандидат, причем как **ярый оппозиционер** действующей власти. Поскольку выиграл ряд судебных процессов у краевой власти, в том числе у самого Губернатора, который ввел незаконные поборы с предпринимателей. Мне прямо в глаза было заявлено, что Губернатор не допустит моей победы. Собрать надо было 5 500 подписей для регистрации. Понимая, что всё брошено против меня, я никому не доверил сбор подписей. А сам, вместе с членами моей семьи методично отработывал электоральное поле. Более того, нотариально удостоверил копии всех подписных листов, о чем официально уведомил избирательную комиссию. На это мне понадобилось **две недели** (это к вопросу о не подъемности сбора такого числа подписей, который нередко поднимается теми же оппозиционными кандидатами). И никто даже **не посмел** забраковать подписи, понимая, что я пойду в суд, а там они проиграют. Кстати, эти выборы мне удалось выиграть, благодаря поддержке жителей Ставрополя, которым я помогал решать их жизненные вопросы в ходе своей юридической практики.

Отсюда вытекает **второй**, опять же извечный вопрос о том, **что делать** кандидатам, которым отказали в регистрации? Кандидаты, которые не согласились с таким решением, поступили по-разному. Одни из них обратились в суд¹. Другие вывели людей на улицу, **требуя зарегистрировать их без всяких условий**.

Предвижу слова оппонентов о том, что судебная система прогнила и не защищает наши права. Отнюдь не питая иллюзий в отношении судебной системы и имея достаточное представление о ней на основе собственной юридической практики, приведу лишь один, можно сказать классический пример из недавней электоральной истории. **Нет, не про себя**. А про Александра Владимировича Руцкого, опального Вице-Президента нашей страны. В 1996 году, как известно, он выдвинулся кандидатом на выборах Губернатора Курской области. Ему отказали по надуманным предлогам во всех избирательных комиссиях. Сам Президент Ельцин не хотел видеть его на посту Губернатора. **НО...** Руцкой не стал выводить людей на митинги и посредством улицы решать проблему. Хотя, как представляется, вполне успешно мог это

¹ По данным газеты «Коммерсантъ», как сообщила пресс-секретарь Мосгорсуда Ульяна Солопова, по состоянию на конец рабочего дня в пятницу 26 июля 2019 года в Мосгорсуд поступило 35 исков, связанных с регистрацией кандидатов на выборы в Мосгордуму. См. об этом: <https://www.kommersant.ru/doc/4045399>

сделать. Он пошел в суд и, пройдя все инстанции, по решению Верховного Суда за три дня до выборов был зарегистрирован кандидатом в Губернаторы Курской области. И, что характерно, выиграл эти выборы. *Уважаю...*

А в нашем случае, *что произошло?* Людей вывели на улицы, пытаюсь внесудебным путем давить на власть. Когда я говорю *таким образом*, то абсолютно не отрицаю наше с Вами конституционное право на митинги, шествия и демонстрации. Я имею в виду *несколько иное*. Всем желающим предоставили возможность реализовать свое конституционное право провести митинг на проспекте Сахарова. 20 июля 2019 года там собрались более двадцати тысяч людей, которые открыто высказали свое мнение, остро критикуя конфликтную ситуацию, возникшую на выборах. Но оппозиционным кандидатам это оказалось не интересно. Никто их не прессовал, они могли говорить, что хотят. *Маловато будет*. Им же надо не высказать свое мнение. Им нужно абсолютно другое. Нужно с надрывом, на несогласованном, а, следовательно – незаконном митинге, *давайте до конца оставаться конституционалистами*, чтобы потом быть обиженными и оскорбленными. И чтоб вся мировая демократическая общественность восторгалась ими и поносила авторитарный режим, который не позволяет хорошим оппозиционерам прийти во власть. Именно по такому сценарию цветных революций (через неделю после митинга на проспекте Сахарова) как раз и проходил не санкционированный митинг у московской мэрии, когда произошли массовые задержания.

Вот с подобными провокационными действиями отдельных политиков, как юрист, ученый и человек, проработавший более 25 лет на различных уровнях публичной власти, категорически согласиться не могу. Раз поддавшись *политическому шантажу*, мы оправиться уже не сумеем. И тогда майданный захват власти не покажется нам чем-то нереальным. А вот крови и гражданской войны не хотелось бы. Достаточно трагических событий октября девяносто третьего года. Будем надеяться, что уроки из этого извлечены, и такого в нашей истории больше не повторится.